

— Яньчжи, я не со злом, просто хочу вручить подарок.

Красавец уставился на тёмно-жёлтый шёлк в его руках, и глаза его радостно расширились. Воспользовавшись моментом, третий сын выбил у него из рук кинжал и снова обнял. Красавцу стало так противно, что он собрался закричать, но Ирдань тут же зажал ему рот. Юноша, пылая, целовал его, молодое лицо залилось румянцем. Он обхватил красавца за талию, прижался горячими губами к его алым губам, целуя с одержимостью. Красавец мычал под его поцелуями, слюна стекала по подбородку. Похоже, после стольких тайных поцелуев Ирдань уже наловчился — он склонился и целовал так, что всё тело красавца запылало. Тот лишь прошлой ночью был крепко любим шаньюем, и теперь снова растаял, покраснев, безвольно прикинув к третьему сыну. Ирдань, весь в жару, страстно желал сорвать с него одежду и овладеть им прямо здесь, но стоило его руке дотянуться до ягодиц, как красавец забился в яростной попытке вырваться, готовый закричать от ужаса.

Ирдань, тяжело дыша, снова зажал ему рот, успокаивающе поглаживая по талии, а пальцы его, непослушные, добрались до груди и принялись грубо мять её сквозь тонкий шёлк. Как же хотелось украсть его, унести в волчье логово, куда даже отец не доберётся. Красавец, постанывая и задыхаясь, отталкивал его, дрожащим голосом твердя «не надо». Ирдань, насытившись поцелуями, настороженно прислушался к звукам снаружи, понял, что времени мало, сел на пол, усадил красавца к себе на колени и протянул ему шёлковый свиток.

Едва получив свиток, красавец забыл обо всём на свете, даже о том, что юноша уткнулся лицом в его грудь и жадно целует. Он, прижимая голову Ирданя к себе, сидя у него на бёдрах, в смятении развернул свиток.

Свиток был наполовину обгоревшим, а буквы, казалось, ещё и размыты водой — нечёткие. Но красавец, увидев знакомый почерк, заплакал от радости. Это был почерк брата. Содержание он восстанавливал по обрывкам, догадываясь. Ханьский император написал множество высокопарных слов, в основном о желании поддерживать дружественные связи между государствами, прекратить войны, открыть торговлю, обмениваться товарами и уважать друг друга. Многословно расписав всё это, он наконец перешёл к главному: надеется, что шаньюй будет хорошо обращаться с его братом, не причинит ему вреда, иначе он соберёт все силы государства и не оставит от хунну камня на камне. Хорошо, что шаньюй не видел письма — иначе, вспылив, наверняка разорвал бы договор и начал войну не на жизнь, а на смерть.

Увидев в самом низу свитка тщательно нарисованную братом маленькую птичку, красавец радостно всхлипнул. Это был знак любви. В ханьском дворце он очень горевал, когда брат, взойдя на престол, взял множество наложниц. Тогда брат ещё не открывал ему своих чувств, и он страдал от безответной любви. Однажды он пришёл в покои брата, но того не было, лишь весёлая птичка прыгала в клетке и, завидев его, закричала:

— Жун'эр, будь умницей!

— Жун'эр, не плачь!

— Брат любит тебя.

— Я люблю тебя.

Тогда-то он и понял, что брат, которым он тайно восхищался, отвечает ему взаимностью. Красавец, обняв свиток, тихо плакал, а Ирдань всё ещё страстно облизывал его грудь, пальцы же добрались до самого сокровенного. В сердце красавца кольнуло, и он со всей силы отвесил ему пощёчину. Ирдань, застигнутый врасплох, покраснел и поднял голову. Красавец, залитый

слезами, смотрел на него с ненавистью, но юноша видел лишь красоту, его ненависть была нипочём. Видя, как тот кусает губы, смотрит сквозь слёзы, Ирдань снова, в порыве чувств, прикрыл глаза и поцеловал.

Ирдань получил ещё одну пощёчину, на этот раз красавец вложил в удар всю силу — на щеке отпечатались пальцы. Юношу отшатнуло, в глазах мелькнула жестокость, он обернулся и злобно уставился. Красавцу стало страшно: он всё ещё сидел у него на коленях, обнятый за талию, одежда распахнута. Он боялся, что юноша сейчас взбесится и изнасилует его прямо здесь. Красавец затрепетал, ноги дрожали так, что он не мог подняться. Ирдань, видя его страх, сдержал гнев, и вновь в его взгляде вспыхнул жар. Он прижался лбом к его лбу, не переставая целовать, и, тяжело дыша, прошептал:

— Не бойся, я только поцеловать.

Но, говоря это, повалил его на пол, раздвинул ноги и принялся стаскивать свои штаны. Отец сейчас успокаивает полководца Хуяня и его дочь, сюда не придёт, а ему самому сегодня после полудня придётся покинуть царский двор и отправиться в восточные степи.

Красавец, увидев, как он снимает штаны, в ужасе забил ногами. Ирдань прикрыл ему рот, выхватил из его рук шёлковый свиток и хрипло сказал:

— Если издашь звук — сожгу его.

Красавец, в страхе замотав головой, умоляюще ухватился за его запястье, показывая, чтобы не делал этого. Ирдань, тяжело дыша, смотрел на него, на прекрасные глаза, на сочные алые губы, и окончательно потерял рассудок. Он сунул ему в рот клочок лисьего меха, раздвинул его ноги и, глядя в глаза, погрузил в него свой твёрдый член.

Красавец болезненно вскрикнул. Ирдань лишь слегка спустил штаны, в спешке и нервно входя в него. Красавец не смел кричать. Ирдань сунул ему в руку ханьский императорский свиток и, двигаясь, стал заискивать:

— Если не закричишь, я буду и дальше носить тебе подарки, много подарков.

Красавец вдруг дрогнул. Юноша нащупал его слабость, слишком хорошо понимая человеческие сердца. Целуя, он говорил:

— Ты ведь хочешь вещи от ханьского императора? Я всё тебе принесу.

Красавец полностью сдался. Ирдань ухватился за его ягодицы и сквозь толстую волчью шкуру грубо трахал его, даже не видя, куда именно входит, лишь чувствуя, как трётся о его промежность. Красавец, почувствовав жгучую боль, с отвращением отпихнул его.

Юноша, не ведающий о делах любви, лишь смутно помня тени, мелькавшие в отцовской палатке, глубоко и сильно входил в него, обхватив под коленями, грубо целуя его губы, подбородок, приглушённо говоря:

— Яньчжи, яньчжи, как ты прекрасен.

Красавец уже был залит слезами, молча снося его грубость. Бёдра его сжимали юношу, и больно терлись и его лоно, и член. Ирдань, впервые, кончил быстро, возбуждённо излившись ему между ног. Красавец с отвращением оттолкнул его тяжело дышащее тело и отвернулся. Ирдань не смел медлить, поспешно натянул штаны, поцеловал красавца в ухо и сказал:

— Яньчжи, что ты хочешь?

Красавец потянулся за свитком в его руках, но Ирдань мгновенно спрятал его за спину, осторожно сказав:

— Это я не могу тебе отдать. Если отец узнает — тебе не жить.

Красавец снова заплакал. Ирдань, целуя, успокаивал:

— Не плачь. Всё, что угодно, кроме этого.

Красавец, всхлипывая, проговорил:

— Я хочу брата... у-у-у...

Несчастный красавец впервые перед чужеземцем излил свою тоску, горько плача:

— Я хочу брата, хочу брата... у-у-у...

Ирдань, прикрыв ему рот, чтобы не плакал слишком громко, в тревоге утешал:

— Какого брата?

Красавец не ответил. Снаружи донеслись шаги. Ирдань в спешке поцеловал его в последний раз и бросил:

— Жди меня.

Юноша вихрем выскользнул наружу. Слуга, услышав внутри разговор, с беспокойством вошёл и увидел красавца, лежащего в углу палатки с затуманенными от слёз глазами, с широко распахнутой шелковой одеждой, с голыми, поджатыми длинными ногами, между которыми явно блестела влага.

Слуга, увидев его в таком непотребном виде, побледнел. В задней части палатки, откуда ускользнул третий сын, ещё виднелись следы. Слуга тут же всё понял и в панике помог яньчжи подняться.

Красавец, убитый горем, на расспросы слуги лишь молчал, велел лишь приготовить воду — снова мыться. Слуга, боясь, что слуги шаньюя что-то заподозрят, заделал прореху в палатке и не отходил от красавца ни на шаг.

Приведя себя в порядок, красавец отправился в царский двор, где находился шаньюй. Тот уже успокоил полководца Хуяня и оставил при себе его младшего сына, сказав, что возьмёт его в личные охранники.

Младшего сына звали Хулэ, ему было двенадцать, и он, как и Хуянь, был пухлым. Хулэ подошёл к царскому двору и преклонил перед шаньюем колена. Красавец, глядя, как этот толстяк задыхается при ходьбе, не сдержал смеха. Шаньюй, видя, что его яньчжи, кажется, симпатизирует этому охраннику, спросил:

— Яньчжи, хочешь этого слугу?